

18+

Елена Богатырева

Пространства,
которые нас
выбирают

Елена Богатырева
Пространства, которые
нас выбирают. О времени,
поэзии и о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68861634

ISBN 9785005593962

Аннотация

Эта книга – попытка осмысления непостижимой природы времени; о том, как ключевые понятия человека через века выражаются в различных произведениях искусства, видоизменяясь, в соответствии с каждой конкретной эпохой, оставаясь, при этом, по своей сути, самоценными вне времени; о том, что каждый из нас приходит сюда для выполнения определенных задач, и что внешний мир обращается к человеку теми своими гранями, которые находятся в резонансе с его кармическими задачами.

Содержание

Артплей	5
Ричард Хьюго	16
Форель	22
Хронос	38
Слова	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Пространства,
которые нас выбирают
О времени,
поэзии и о любви
Елена Богатырева**

© Елена Богатырева, 2023

ISBN 978-5-0055-9396-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артплей

Эта книга начала писаться до того, как была задумана.

Она вообще никак не была задумана.

Она просто начала писаться. Сама по себе, словно я не имею к ней никакого отношения.

Обычно, прежде чем взяться за стило, я разворачиваю, по крайней мере, начало будущей книги в ментальном пространстве. Я живу с этими вариациями потенциальной книги, пробуя ту или иную версию, то возвращаясь к первому варианту, то уходя от него в поисках альтернативы, которая представляется мне более подходящей.

Я сама начинаю жить в книге; и, раньше или позже, чаще раньше, книга, вместе со всеми своими действующими лицами, начинает жить своей собственной жизнью, уже диктуя мне ту или иную сюжетную линию.

Я не спорю и соглашаюсь. Мне интересно писать именно таким образом: я словно смотрю чрезвычайно захватывающий фильм, повороты событий которого мне пока неизвестны.

Сегодня в одном из своих ежедневников обнаружила вот такое высказывание:

«Книга, настоящая книга, всегда больше автора. Она начинает жить своей собственной жизнью, диктуя автору, что и как писать. Чуть позже книга начинает формировать образ жизни автора, его рабочий день, прочно обосновавшись

на первой строчке его рабочего расписания».

В моем понимании это верно касательно правильной книги и правильного автора.

С этой книгой все иначе. Прежде всего, я не планировала не только ее, но и вообще никаких новых книг, по той просто причине, что целый ряд недописанных книг уже отстроились и дышат другу в затылок, дожидаясь своей очереди на продолжение, завершение, окончательную редакцию.

Данная же книга пошла еще дальше: она, действительно, начала писаться, словно сама собой.

Поначалу, всего-навсего, я решила записать несколько строк, вернувшись под сильным впечатлением от посещения нового для меня аутентичного пространства под ласкающим слух названием: Артплей.

Прежде чем повествование мое начнет неудержимо разворачиваться дальше, все вперед и вперед, подобно своенравному горному ручью, я ощущаю, что просто необходимо сказать несколько слов, собственно, о месте, на площадке которого начало разворачиваться действие этой книги.

Итак, Артплей.

Чтобы попасть в него со стороны Нижней Сыромятнической, надо пройти под арку, довольно низкую и узкую.

Арки, подворотни, туннели и аналогичные архитектурные устройства – явления очень занимательные. Дело в том, что они сжимают пространство. Что, в свою очередь, приводит к тому, что энергия этих подАрочных пространств оказы-

вается гораздо более плотной, напряженной, по сравнению с энергией пространств соседних, открытых, не стесненных подобными конструкциями. Происходящее, хоть и бессознательно, но ощущается, по крайней мере, некоторыми из нас. То есть, оказавшись в таком пространстве, мы немедленно начинаем оглядываться, пытаюсь понять, что же именно происходит. А может ничего и не происходить, но вот это измененное, сжатое, по сравнению с открытым пространством, поле очень даже легко может переводить нас в измененное состояние сознания.

Что, собственно, и произошло со мной еще до того, как я оказалась в состоянии осознать происходящее.

Арка, открывающая это повествование, представляет собой совсем небольшое пространство, плотно наполненное плакатами, окнами, дверями, небанальными объявлениями, гулкими шагами прохожих, торопящихся по своим неотложным делам. Стоят нашего пристального внимания и трубы, закручивающие пространство самым причудливым образом.

Я ощутила тотчас же, что данное подАрочное пространство мне, хоть и смутно, но определенно знакомо, несмотря на факт, что я точно знаю, что это – мой первый визит в Арт-плей. Более того, возникло явственное ощущение, что этот микрогород не похож на Москву, он похож на какой-то иной город, но я никак не могу вспомнить, на какой же именно. Попыталась повспоминать города, мегаполисы и городочки, посещенные мною, но ни один из них с подарочным про-

странством не вязался однозначно. Подсознание подсказало правильную ассоциацию: место однозначно очень похоже на место из моих снов.

Ну вот и пришли.

После арки стало еще интереснее: железнодорожное полотно на расстоянии практически вытянутой руки, надпись шлагбаум, в твердой решимости защитить тебя от этого поезда, и дальше – то ли магазины, то ли выставочные пространства, то ли чьи-то офисы. *Берегись поезда,*

После нескольких метров стало ясно, что самое начало этого пускового города, будучи самым маленьким по площади, является, несомненно, самым интересным по своему содержанию. Дальше, по мере того как пространство распахивалось все шире и шире, теряя параллельно с этим процессом всю плотность и напряженность своей энергетики, оно превращалось в корпуса офисов и учреждений. То есть, чем далее от входной своеобразной арки, тем проще и банальнее становилось пространство. Но тем не менее и здесь можно обнаружить много интересного, как-то: Британка, выставка Самскара, которой здесь, безусловно, самое место, и, наконец, крохотуличное кафе, в котором можно съесть плюшку, запивая ее горячим чаем, за девяносто рублей! Невесть какая редкость для Москвы – плюшка с чаем, но плюшка свежая, чай обжигающе горяч, и получается, что можно спастись от голода и холода за такую смешную сумму, а вот этот факт – уже редкость и неожиданность для самого цен-

тра Москвы.

Надо бы посетить выставку, я читала о ней, а потом совершенно забыла, что собиралась посетить. Похоже, и выставка нашла меня сама, как и все это, вне всякого сомнения, удивительное пространство.

Когда я эти строки записала в дневник, выяснилось, что повествование намерено стремительно развиваться дальше, в направлениях, о которых мне ничего не собирается сообщить, – развиваться самостоятельно.

Моя задача проста и незатейлива: находить время и просто записывать.

Что я и делаю послушно в детски-наивной надежде, что получится хорошая и, что самое значимое, – правильная книга.

У этой книги есть еще одна отличительная особенность: она пишется гораздо быстрее любой из моих предыдущих книг, несмотря на такое препятствующее и травмирующее обстоятельство: я не являюсь правильным писателем.

И только время даст ответ на вопрос, чрезвычайно меня беспокоящий: может ли выйти из-под пера неправильного писателя правильная книга?

Почему я неправильный писатель?

Ответ очевиден и дан выше: правильный писатель устремляется к своему станку по первому зову книги, когда бы и где бы его этот зов ни застал: в любое время суток и в разгар жизнедеятельности любого толка и направления.

У правильного писателя нет такой активности, которую он не может прервать по первому зову своей книги.

У правильного писателя нет в жизни важнее дела, чем написание книги, он предан своей книге, как Хатико и Белый Бим преданы своим хозяевам: всецело, нераздельно, без размышлений и сомнений.

У правильного писателя каждый день, если книга призывает его каждый день, находится время для своей книги.

Все эти пункты не про меня.

Я пишу отрывками, когда выпадают свободные куски, кусочки и осколки времени, свободные от процесса зарабатывания денег и выполнения семейных обязанностей.

Обычная история, я это вполне понимаю.

Я не совсем понимаю, как мои книги терпят такое неправильное отношение к себе с моей стороны и продолжают проситься стать написанными.

Что-то есть в природе книг, что неподвластно моему слабому разумению. Подозреваю, что это что-то одной природы с преданностью Хатико и Белого Бима.

Еще подозреваю, что книги знают больше, чем я на настоящий момент, и они прощают мне некорректное относительно себя поведение, потому что осведомлены о моей безграничной любви к ним, знают, что будут написаны, по крайней мере, те книги, которые призваны быть написанными мною.

Книги ждут, подсказывая следующий поворот событий, заявляя о себе вновь и вновь, чтобы я, как акын, удерживала

в памяти все то, что мне необходимо записать, пока я не доберусь до письменного стола и не исполню свой писательский долг.

Еще я подозреваю, что у книг гораздо больше времени, чем у меня, да и осведомлены они о происходящем гораздо лучше. Если я чего не допишу в этой жизни, то сделаю это в жизни следующей или, может быть, кто-то подходящий продолжит работу, пока я буду где-то в иных мирах.

Ведь самое главное, чтобы процесс не останавливался, чтобы сюжет развивался, причем именно так, как ему надлежит развиваться, а не по прихоти какого-нибудь неправильного писателя.

Именно поэтому мои книги до сих пор меня терпят, а я, хоть и урывками, но пишу, пишу, пишу.

Прежде чем двигаться дальше, уместно разъяснить, каким ветром привнесло меня в Артплей.

Нежданно-негаданно меня пригласили принять участие в съемке клипа на музыку современного композитора, на тот момент мне неизвестного. Мне предстояло создать образ Офелии в преклонных летах.

Идея проекта: показать ипостаси Офелии, которые имели бы место, приведись ей прожить долгую жизнь, наполненную всеми правильными фазами жизни женщины. Но сцены проекта разворачиваются не в пространстве, имитирующем пространство бессмертного первоисточника, а в некотором абсолютном, вневременном пространстве.

Не вникая в детали проекта, я радостно согласилась, нутром почувствовав мощный зов нового для себя пространства.

В указанный день мне надлежало явиться в Британскую Школу Дизайна, среди тех, кто в теме, – Британку, – культовое место для всех, имеющих хоть какое-то отношение к современному дизайну в частности и к искусству вообще – на примерку платьев, чтобы выбрать то, в котором я буду на съемках.

И вот я на месте, – в комнате с девушками, также приглашенными в проект, и рядами платьев на кронштейнах.

Не знаю, кто отбирал этих девушек, которые будут создавать образ Офелии, но сделал он это очень грамотно.

Всех этих девочек связывает нечто большее, чем образ Офелии, ради которого они все здесь сегодня собрались. Я внимательно перевожу проникающий, в той мере, в какой это отмерено мне, в самую суть предметов и явлений взгляд, и мой запрос не остается без ответа: всех этих прекрасных лиц еще не коснулось время – вот что их объединяет.

Они еще не имеют никакого понятия о том, насколько велика власть времени над всеми нами.

Для них тридцать лет – это такой же древний возраст, как и девяносто.

Они живут в полной уверенности, что перед ними вечность.

Они неоправданно расточительны, но понятия не имеют

об этом.

А когда они поймут все коварство времени, будет уже поздно.

И мы ничего не можем с этим поделать.

Поколение сменяет поколение, но ничего не меняется.

Девочки и мальчики тратят все свое время на ерунду – на болтовню, в которой нет ни малейшего смысла ни для них самих, ни для вечности; на беспочвенные ссоры и разборки с возлюбленными, которые в собственных глазах вырастают до размеров трагедий бессмертного Уильяма нашего Шекспира, а на самом деле являются всего лишь симптомами отсутствия мудрости.

Но кто из нас мудр в восемнадцать лет?

Юные создания тратят самый бесценный ресурс – время – на то, чтобы, например, научиться курить, а потом – чтобы курить бросить.

Самое трагичное заключается в том, что они все время куда-то несутся, устремляются, пытаются реализовать какую-либо цель, которая, на самом деле, является отрицанием себя самой: поступить в учебное заведение – закончить учебное заведение; найти хорошую работу – как можно скорее удрать с работы, как только такая возможность рисуется на горизонте; забеременеть и родить ребенка – как можно скорее его, ребенка, вырастить, чтобы вернуться к своим собственным игрушкам.

И вот что еще гораздо более трагично: они совершенно

не осознают всей этой несуразицы, бестолковости, противоречивости происходящего.

И за всей этой шелухой и чешуей буден они не видят самого главного: собственной жизни.

А когда они, наконец, оказываются способными притормозить до такой степени, чтобы разглядеть проносящиеся мимо пейзажи, то с изумлением обнаруживают, что самые интересные станции их поезд уже проскочил мимо.

И поезд этот движется в одном направлении.

Кто из них может позволить себе роскошь *slow pace of life* – размеренный образ жизни?

И кто из них научится жить со всей наполненностью термина, а не проноситься по жизни, стремясь к результату, который может оказаться очень далеким от желаемого?

Только погружаясь в секунду происходящего, мы можем, пусть даже всего лишь на эту секунду, обмануть время. Если мы умеем погружаться в момент, как в бездонную пучину, этот момент, пусть всего лишь на мгновение, превращается в вечность. И пока этот момент длится, время не властно над нами. Оно теряется, в смысле, – пребывает в растерянности. В результате мы отвоевываем пусть самый крохотный, но кусочек вечности – себе.

А что, если таких моментов насобирать несколько? Потом – еще несколько. Чуть позже у тебя окажется уже целая горсть таких моментов.

Таким образом, можно превращать вакуум времени в ба-

зальт вечности.

Но кто из девочек задумывается о таких странных и, самое главное, скучных предметах?

Даже бабушки крайне редко задумываются о подобных понятиях, по той простой причине, что они, как им представляется, заняты гораздо более значимыми явлениями – своими ненаглядными внуками.

Только дедушки иногда задумываются о подобных явлениях и пишут о них скучные книги. Да и то не все дедушки, а лишь те, кто уже не в состоянии волочиться за девушками или играть с внуками в лапту.

Так что получается, мы не только не в состоянии обмануть время, мы не можем понять его, договориться с ним, установить с ним хотя бы более-менее партнерские отношения. Ничего подобного не происходит, – мы все работаем на него, на Время.

Так что истинный хозяин всего происходящего – Время.

Я понятия не имею, что это такое за явление – время, которое властвует над всеми нами. Осознает ли оно тот очевидный факт, что является нашим господином? Что движет им? Оно является свойством какой-то высшей силы или самой этой силой, что управляет нашей Вселенной?

Бог весть.

При входе на Артплей со стороны Нижней Сыромятнической по левую руку располагается книжный магазин, довольно своеобразный, как, впрочем, и все в Артплее.

Ричард Хьюго

Покинув плотноспрессованное артистичное пространство Британки, я не смогла пройти мимо этого чудного книжного магазина. Зашла – и купила несколько открыток и книгу Ричарда Хьюго под слишком притягательным названием, чтобы не зацепиться за него: «Пусковой город» – и пояснением ниже на обложке: «Лекции и очерки о поэзии и писательстве».

Книга была выбрана правильно: я медленно перемещалась вдоль полок, не вчитываясь в названия их обитателей, а отрешенно скользя по ним взглядом, протянула руку и выхватила одну из книг. Если уж быть предельно точной, рука, каким-то совершенно непостижимым образом проявив самостоятельную осознанность, описала в пространстве некую траекторию, уцепив в результате книгу. Почему именно эту, а не другую? Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. Уверена в одном: когда в книжном магазине со мной происходит подобное, я точно знаю, что произошла правильная встреча – книги и меня.

Следовательно, и в этом случае с вполне определенной уверенностью следует сказать, что это не я выбрала книгу и даже не моя рука, выполнившая определенные физические действия, без которых наша встреча с книгой никогда бы не состоялась, – нет, это именно книга выбрала меня.

Интересно, как они, книги, это делают?

Автор – смесь самого разнопланового жизненного опыта, из которого, при соответствующих исходных данных, просто обязан выкристаллизироваться правильный писатель.

К сожалению, вечность уже забрала автора к себе.

К сожалению, книга попалась мне в варианте перевода, а не оригинала.

К счастью, притяжение книги оказалось в разы сильнее доводов рассудка, и я стала обладателем лекций и очерков о поэзии и писательстве американского военного летчика.

Едва взяв книгу в руки, я не смогла сразу определить, является ли автор летчиком, который по чьему-то слишком затейливому замыслу стал поэтом, или – поэтом, которому пришлось на время стать летчиком. Но что-то мне подсказывало, что второй вариант ближе к правильному ответу.

Я слишком хорошо помню историю Саймора Гласса.

Помимо собственного литературного труда автор преподавал – обучал начинающих поэтов и прозаиков владению словом.

Я раскрыла книгу с опаской – я не могу себе представить, как и кого можно научить писать стихи.

Прозе, по крайней мере, неким законам и принципам ее существования, можно учить и научиться.

Но как обучиться поэзии?

Все мы читали Шекспира, но кто написал что-нибудь подобное?

По моему скромному мнению, можно обучиться алфавиту и способам складывания букв в слоги и слова.

Дальше – *terra incognita*, которую каждый осваивает сам, как может.

Если человек родился поэтом, его внутренняя поэтическая сущность, по возможности в содружестве с намерением и желанием носителя этой сущности, будет искать во внешнем мире созвучности, соответствия, сопричастности своим внутренним состояниям. И когда это ей удастся, поэт судорожно двигает руками, крутит головой в отчаянных попытках найти что-то, с помощью чего и на чем можно записать то, что на него снизошло.

Откуда это приходит, ни один поэт не в состоянии ни осознать, ни, следовательно, объяснить. Собственно, в этом нет никакой необходимости. Единственное, о чем должен постоянно заботиться поэт, – иметь бесперебойно под рукой листок бумаги и нечто, способное оставить на этой бумаге четкий след. Чтобы не пропустить момент, когда пошло, началось, когда необходимо срочно выключиться из того процесса, в котором пребываешь в настоящий момент, и начать записывать. Ничего не надо ни придумывать, ни сочинять, ни тем более объяснять. Надо просто успеть записать, пока диктуют.

Хорошо быть внимательным к мелочам. Поэты, действительно, внимательны к мелочам. Их душам ведомы тончайшие нити, запутанные тропы, которые связывают красо-

ту, мельчайшие ее проявления, в один таинственный узор, неразличимый глазом и слухом тех, кто лишен дара поэтического восприятия.

Поэта может привести в восторг рыжий осенний листочек на мокром асфальте, рисунок, сформированный трещинками на этом асфальте, оттенок цвета морской гальки – вещи, совершенно бесполезные с точки зрения практичного гражданина, твердо стоящего на непоколебимых столпах материализма.

Дело в том, что поэты и практичные граждане обитают в разных вселенных, хотя могут проживать в одном городе, на одной и той же улице в одно время.

Для меня поэзия в своем чистейшем, великолепнейшем, законченном виде, например, вот это: *Я обращался к воздуху-слуге, ждал от него услуги или вести, и собирался в путь, и плавал по дуге не начинающихся путешествий.*

В поэзии главное не рифмы, не слова, не информация, а нечто совершенно иное, что может быть доведено до нашего восприятия только через поэзию, которая сродни музыке: мелодика всей строфы, плотность энергии, заключенной в ней, красота гармонии, – к ритму не убавить и не прибавить.

Книга Ричарда Хьюго, следовательно, настораживала, если не сказать – пугала, не очень хотела открываться, но название ее так идеально вписалось в мое состояние, пространство места и все произошедшее со мной за день, что не на-

чать читать ее немедленно было никак нельзя. Правильно происходящие события – это когда то, что представляется нам разрозненным, не способным встретиться никогда и ни при каких обстоятельствах, не имеющее ничего общего, на наш, такой поверхностно-неглубокий взгляд, каким-то непостижимым образом встречается, стягивая пространство-время в тугой узел совершенно определенного, бесконечно прекрасного узора, который ни развязать, ни завязать как-то иначе нет никакой возможности, да и ни к чему.

Первые же страницы книги позволили прояснить происходящее.

Ткань повествования книги как минимум небанальна, целостна и вибрирует.

Некоторые же фразы достойны увековечивания в камне, желательно – в мраморе, лучше всего – в белом каррарском.

Например, такие: *Знание, где вы находитесь, может быть источником творческой устойчивости. Если вы – в Чикаго, можете отправиться в Рим. Если вы нигде, вам некуда и отправиться.*

Вот так. И никак иначе.

Так что, если вы куда-то очень хотите, начните с того, что определитесь, наконец, с вопросом, где вы находитесь сейчас. По той простой причине, что, если вы понятия не имеете, где вы, вам не продадут билет туда, куда вам, как вам представляется, хочется попасть.

Вот еще: *В мире воображения найдется место всему на свете. Примите это на веру – и, может, покажетесь безрассудным, но безрассудным, как форель.*

Честно говоря, мне нравится быть безрассудной, как форель. Но я до сих пор не уверена, удастся ли мне это.

Форель

Восхитительно-прекрасную и безрассудную форель я повстречала, заглянув в хрустально-прозрачные воды самой короткой реки Сербии, в низовьях этой реки, совсем незадолго до встречи ее с более полноводной сестрой – рекой Дриной.

Самую короткую реку Сербии зовут Врило, или Година. Второе имя удивительной реки обусловлено фактом, что длина ее – 365 метров.

Вернемся к форели, благоденствующей в Године.

Встреча с форелью оказалась незапланированной.

Путешествуя по Сербии, я ничего не знала ни о речке Врило, ни, как следствие, о ее форели.

Возвращаясь из дневного автопробега по стране, остановились у рыбного ресторана, проголодавшись.

Ресторан аккуратно располагается не просто на берегу Врило, а прямо над ней. Не основное его здание, а летняя терраса. Именно в том месте, где река, прежде чем стремглав кинуться завершающим аккордом водопада с высоты в десять метров в объятия Дрины, плавно, неглубоко и нешироко разливается по долине.

Место это – долина реки длиною в год – наполнено совершенно особым очарованием, которое с трудом поддается правильному препарированию точными определениями.

Определения никак не подбираются, эпитеты ускользают, как лепестки цветов уносятся водами торопливой горной речки.

Я так и не разгадала причины совершенного очарования места.

Могу лишь подтвердить с абсолютной уверенностью, что это очарование имеет место быть.

По мосту через реку проходит дорога – место для ресторана выбрано наилучшим образом. У дороги и чуть выше по течению река вальяжно разливается по долине. По берегам реки отстроились мощные деревья, в обе стороны от деревьев зеленеют луга. Место настолько живописное, умиротворяющее, что как минимум хочется задержаться на берегах этой необычной реки на день или два: сидеть на берегу, осознав полностью, что день или два никуда не надо стремиться, спешить. Можно сидеть на берегу столько, сколько захочешь, слушать нежный лепет водных струй, записывать в бортовой журнал умные мысли, живописать портрет реки.

Мечты, мечты.

Не ты, путник, выбираешь путь. Твой путь давно уже выбрал тебя сам. И теперь тебе не остается ничего, кроме послушного следования за ним.

После моста река, словно спохватившись и вспомнив о своей горной природе, становится бурной, неуправляемой, – прыгает по крупным валунам, поет во весь голос, – готовится к финальному прыжку в Дрину.

И вот прямо над этим бурным потоком ресторан раскинул деревянные помосты и расставил столики, — лучшей террасы на пленэре не сыскать.

Проезжающие останавливаются, завидя ресторан. Бросают машины, устремляются на мост, чтобы заглянуть в недра реки, и замирают в изумлении: огромные рыбыны висят в неглубокой воде, как дирижабли, никуда не торопясь и не обращая на людей никакого внимания.

Люди устремляются в ресторан, занимают столики над бурной водой и, чтобы как-то изжить нетерпеливость заказа, продолжают удивленно обсуждать: откуда в такой, в общем-то, небольшой реке такая громадная рыба?

Осведомленность убивает волшебство. Никогда не копайте слишком глубоко.

Оказывается: форель, будучи по природе своей форелью калифорнийской, выращивается намеренно рыбным хозяйством, эксплуатирующим воды Врило в своих корыстных целях, поставляя рыбу в уже известный нам ресторан и, скорее всего, куда-то еще.

Но, когда мы ожидали свой заказ, мы ничего не знали о природе врильской форели. И сидели тихо, очарованные красотой реки, деревьев, травы и форели.

Но форель ничего не знает ни о рыбном хозяйстве, ни о ресторане. В картине мира форели присутствует прекрасная горная река с хрустальными водами, в которых форель неторопливо двигает плавниками, рулит хвостом, оставаясь,

если захочет, неподвижной, игнорируя течение. Форель эта, обладая истинно буддистской мудростью, обучена высочайшему искусству пребывания здесь и сейчас. Она не вспоминает о прошлом и не мечтает о будущем. Она в моменте, который для нее – вечность. Форель божественно красива и совершенна. Она идеально вписывается в реку, в которой обитает. В свою очередь, река идеально ей соответствует. Реке и форели хорошо друг с другом.

И форель абсолютно безрассудна.

И дело не в том, что у форели, хотя бы и калифорнийской, отсутствует рациональный разум.

Дело в том, что мы свой используем не по назначению.

Выискиваем недостатки своей среды обитания вместо того, чтобы расслабиться и получать удовольствие. Пока еще есть у нас такая возможность.

А потом плачем, вспоминая: ой, какую возможность жить и радоваться упустили!

Но я здесь о форели.

Скоро стало ясно, что мне придется довольно много строк автора перенести в собственную книгу.

Но меня это не остановило и не испугало.

Его высказывания о предмете преподавания нравились мне все больше и больше.

Например, вот это: *Стихотворение всегда происходит в вашем родном городе, но лучше найти его где-нибудь еще.*

И это я только на двадцать восьмой странице. Всего в кни-

ге сто пятьдесят пять страниц. Совсем немного. Но, памятуя правило: лучше пять страниц прекрасной прозы, чем пятьсот ужасной, не расстраиваюсь.

И тут же нахожу в самом конце книги две вакантные страницы с надписью сбоку внизу: *для ваших стихов*.

Вот еще одна точка сборки стянулась самым великолепным образом: еще нет стихотворения, а место для него уже есть, следовательно, стихотворение непременно появится.

Что оно и не замедлило сделать:

Вот такое стихотворение поселилось на последней, совсем недавно вакантной, странице книги Ричарда Хьюго. Интересно, на пустых страницах остальных экземпляров книги тоже уже есть стихотворения? И если они есть, то сколько их? Тираж книги – четыреста экземпляров, и издана она была в 2014 году. Когда я приняла эпохальное решение книгу Ричарда Хьюго приобрести, я отметила, что на полке остался еще один экземпляр.

Можно предположить, что я сегодня приобрела предпоследний экземпляр книги и что завтра кто-то, абсолютно до такой же степени безрассудный, как форель, как сам Ричард Хьюго или я, приобретет последний экземпляр и, как следствие этого безрассудства, напишет свое стихотворение, как только встретится с надписью в конце книги: *«для ваших стихов»*.

Следовательно, осмелеем еще больше и предположим, что существуют четыреста стихотворений, появившихся на свет

благодаря американскому поэту – военному летчику, при этом он был ни сном ни духом обо всех тех поэтах, которым предстояло прочесть его лекции и очерки о поэзии и писательстве.

По крайней мере, в каком-то пространстве вариантов существования нашей Вселенной эти четыреста стихотворений существуют.

Похоже, стихотворение, написанное в книге Хьюго, застало в одиночестве, и сегодня родилось вот такое стихотворение:

Честно скажу: не знаю, как отнесся бы Ричард Хьюго к этому поэтическому опыту, будь он жив.

Но, согласно ему же: *Никогда не беспокойтесь за читателя и за то, что он там себе поймет. Когда пишете, оглянитесь – у вас за плечом нет никакого читателя. Есть только вы и страница перед вами.*

Уже на девятнадцатой странице можно сделать вывод, что Ричард Хьюго очень хорошо относится к писателям вообще и к поэтам в частности. Полагаю, причина проста и понятна: Ричард Хьюго сам является поэтом и писателем.

Дальше, не странице 33, – то, что обязательно обрадует поэта: Чуть дальше, на той же странице: *Итак, вам потребны слова, которые сможете присвоить, и способы складывать из них фразы и строки – ваши по праву одержимого музыкального действия. Если вы искренни в чувствах, пусковой город вас выберет.*

И ведь выбрал же! По той простой причине, что поэт всегда прав. Даже тогда, когда он понятия об этом не имеет, а просто дирижирует словами, которые присвоил себе.

Так случилось в понедельник, хрустальным октябрьским днем, когда я ехала на примерку платьев для образа моей Офелии, в который мне предстояло воплотиться на киносъемочной площадке в среду. Я ехала, и меня больше всего заботило, как бы мне отмерить поскорее и вернуться домой, к станку, то есть к клавиатуре моего старенького компьютера, и взяться за перевод, сроки сдачи которого давно вышли.

Но, как только я оказалось под входной аркой Артплея, зайдя со стороны Нижней Сыромятнической, тут пусковой город меня и выбрал. Еще не подозревая о случившемся, я бодренько шла вперед в поисках нужного здания. Пространство места делало свое дело: изменяло мое сознание, ощущение времени, целеполагание и массу еще всего другого, не обращая на мои нужды и потребности – то, зачем я пришла, – никакого внимания.

Я поняла, вернее, ощутила, что происходит нечто волшебное, вне рамок стандартных и рациональных событий.

Происходящее мне очень и очень нравилось.

Возникло устойчивое ощущение измененного состояния сознания.

Никаких усилий для достижения данного состояния я приложить к действительности не успела.

Пространство проделало всю работу за меня – легко, иг-

раючи, без усилий.

Способствовал эффективности процесса и тот факт, что ему, процессу, сопутствовала редкостная роскошь: так вышло, что я появилась в Артплее примерно на полчаса раньше назначенного срока. У меня было время двигаться не торопясь, не столько в поисках нужного строения под номером три, сколько знакомясь с новым и замечательно своеобразным пространством, настоящим городом в городе, который, несомненно, является пусковым городом не только для меня.

Мне нравится книга Ричарда Хьюго и нравится Артплей.

Я думаю наведываться в это необычное пространство каждый раз, как буду осознавать, что банальность и обыденность почти совсем поглотили меня, – вот тут-то я и рванусь в город, который в состоянии вытащить меня из болота плоскости одного цвета, причем цвета не очень интересного для меня.

Ричард Хьюго: *Город нашли – начинайте стихотворение.*

Легко сказать. Тут мы расходимся с Ричардом Хьюго. В моем понимании прозу можно начать. А вот стихотворение начинается само. Задача поэта – найти пусковой город, сонастроиться с его энергетикой и не мешать происходящему. Если поэту все это удастся, вот тут стихотворение и начнется!

В тот эпохальный понедельник, совершенно ничего не подозревая о его эпохальности, я ехала как можно быстрее

поучаствовать в примерке платьев и убежать обратно, домой, к прерванной новым неожиданным проектом профессиональной деятельности. Меньше всего на свете я искала свой пусковой город.

Когда-то давным-давно, в молодости, я искала пусковые города. В ту далекую пору моим главным пусковым городом оказался Таллин.

Теперь мне не до этого: магма затянута плотной коркой, — если что внутри и происходит, то внешне никак не проявляется. Работа, дети, быт — железобетонное колесо сансары современной обитательницы мегаполиса.

И вот тут-то меня и настиг пусковой город.

И стихи я уже почти не пишу, — даже как-то неприлично в моем возрасте. А вот и стих меня настиг так же неотвратимо, как и новый пусковой город. Не собиралась я начинать стих. Он начал звучать сам. Он заявил о себе властно, во весь голос, он бился бронзовым молоточком внутри пространства моего мозга, требуя быть записанным немедленно. Я не сопротивлялась, потому что знаю всю бесполезность подобного сопротивления, да и работа смешная: все, что нужно делать, — просто записать, что тебе диктуют.

Ибо перестают диктовать так же внезапно, как и начинают.

Иногда мне кажется, что стихотворение будет лучше, стань оно длиннее, и я начинаю натужно размышлять, как бы его дописать. Но увы! Стихотворение гораздо лучше меня

знает, где ему начинаться и заканчиваться. От меня требуется самая малость: иметь под рукой что-нибудь пишущее и лист бумаги.

И потом сегодня этот, очередной, такой пронзительный стих, что совершенно непонятно, что с ним делать и как жить дальше, после того как он написан, а ноябрь, действительно, совсем скоро, и провести этот месяц в какой-нибудь стране вечного лета нет никакой возможности.

Но пусковой город есть, и новые стихи – тоже.

Посмотрим, как будут развиваться события далее.

Я знаю новый адрес, и у меня в запасе почти три недели октября. За эти три недели надо как-то изловчиться и примириться с ноябрем.

Потому что вариантов нет.

Потому что ноябрь все равно наступит.

Что-то какие-то все более и более грустные обороты набирает мое повествование.

Я села за компьютер, открыла документ Word на чистой странице, и совершенно самостоятельно, неожиданно для меня самой, написалось первое четверостишие. Поставив в нем точку, я понятия не имела, как долго, на сколько еще четверостиший это лирическое повествование будет развиваться, в каком эмоциональном направлении распусться и, собственно говоря, чем закончится.

Все это, когда я поставила точку после банального слова «река», было целиком и полностью скрыто от моего менталь-

ного взора.

А потом я интуитивно поступила правильно: я не стала предаваться несуразным размышлизмам, а позволила стихотворению выразить самостоятельно все то, что было у него на уме: я просто набирала на клавиатуре именно те слова, какие приходили, и именно в той последовательности, в какой они это делали.

У меня, действительно, *стихи не пишутся, – случаются.*

Это такое несказанное счастье, что со мной до сих пор случаются стихи!

Возможно, кому-то такое положение дел может показаться странным: стихи вроде бы мои, но не я управляю процессом их создания, а стихи управляют как мною, так и процессом своего собственного создания. Я не подбираю отчаянно рифмы, нервно меряя шагами свою узкую комнату, я не спрашиваю друзей и близких, какое слово рифмуется со словом, на котором я застряла, похоже, навсегда, а, по моему понятию, стихотворению следует еще развиваться и развиваться. Я не обдумываю с умным выражением отрешенного лица до того, как, собственно, начать это святое святых – увязывать цепочки слов, заканчивающиеся рифмующимися словами, в то, что будет гордо именоваться стихотворением, – о чем ему следует быть, этому стихотворению.

Я прекрасно осознаю, что еще до того, как мои пальцы начнут свой танец по клавиатуре старенького компа, стихотворение прекрасно осведомлено, о чем именно оно будет

и когда оно, любезное, завершится.

Так происходит со мной всегда, когда меня посещает поэтическая муза, точно так же все случилось и на этот раз.

В то же самое время я в состоянии заявить с полной ответственностью, что мои стихи не создаются в режиме автоматического письма: я не впадаю в транс, не закатываю глаза, не слышу никаких голосов. Насколько я в состоянии объективно и адекватно оценить происходящее, стихи рождаются в моей голове, но во время этого священнодействия и сами стихи, и моя креативная голова неразрывно связаны с какими-то очень интересными слоями внешнего мира, откуда происходит информационно-энергетическая подпитка, необходимая для успешного протекания поэтического процесса. Я не впадаю в транс, но я явственно и отчетливо вхожу в состояние резонанса с этими слоями. Я понятия не имею, где они располагаются, но знаю, что без этого состояния резонанса у меня ничего не получится: стихов не будет.

Каждый раз какая-то мелочь является пусковым механизмом, запускающим процесс написания очередного стихотворения. Честно говоря, мне представляется, что пусковым городом может стать все, что угодно. И если еще более честно: я просто не понимаю, почему тогда Париж, мой самый любимый на свете Париж не стал пусковым городом, а в другом случае, всегда неожиданно для меня самой, между прочим, какой-нибудь скромный домик в маленьком провинциальном городке таким пусковым городом становится!

К настоящему моменту имеет место быть следующая картина.

Дорогой и уважаемый Ричард Хьюго! У меня для Вас уже три стихотворения.

Не хочу уклоняться в мистику, но мне ощущается абсолютно отчетливо, что Вы в курсе происходящего.

* * *

Жизнь короче, чем мечтает
Поначалу о себе.
И, едва родившись, тает,
Подовластная судьбе.

Мы не ведаем значения,
Что в самих себе несем.
Так поток влеком течением,
Что рисует водоем.

Мы проходим городами —
Сквозь ворота — и насквозь.
Одурманенные снами,
От самих себя поврозь.

Но, однажды прозревая,
Замедляем глупый бег,
Наконец-то узнавая
Шорох трав и трепет век.

И теперь не надо мчаться
Ни за чем и никуда,
Потому что не расстаться
С тем, что дали навсегда.

* * *

Все больше золото ржавеет
На липах, кленах и дубах.
Ночами молча цепенеет,
Покорно обращаясь в прах.

Поутру радостно лопочет,
Совсем не зная о судьбе,
Что Вечность для него пророчит.
Вот-вот ноябрь. Быть беде,

Когда последний лист бесплотный
Сорвет суровая рука.
День будет ветреный, холодный,
И небо в ватных облаках.

И лист спокойно улыбнется,
Под ветер распустив крыла.
И сердца на разрыв коснется
Его прощальная стрела.

* * *

Что случилось, что случится,
Что не сбудется пока.
Жизни речь, как прежде, длится, —
Полноводная река.

Дважды кто мечтал купаться
В той же речке, что тогда?
Кто стремился не расстаться,
Невзирая на года?

Все вода уносит мимо.
Даже память холодит.
Смотрит вглубь неотвратимо,
Никого не молодит.

Научиться расставаться —
Вот задача из задач.
Не держаться, не вцепляться,
Реагируя на плач.

Реквием себе закажем.
Потому что навсегда
Нас с собой уводят стражи,
Если кончились года.

Упираться бесполезно,

Плакать, попросить остаться,
Умолять бездонно слезно,
Повторять, что не расстаться

С этим миром вдруг и скоро, —
Подготовиться хотя бы!
Бесполезны все укоры,
Ах, какие мы растяпы!

На рассвете жизни вольной
Мы не в те ломились двери,
Вечно были недовольны,
Не находки, а потери

Мы теперь свои считаем,
Вспоминая, что минуло.
Горько плачем, не мечтаем.
В Лете счастье утонуло.

Хронос

Вот что мне очевидно: все рождается из времени. Все рождается временем, Хроносом.

Следовательно, прежде всего, чтобы что-то создать, нужно время – такая роскошь, как свободное время.

А ведь мы, когда слышим слово представляем себе нечто совсем иное: бриллианты и рубины, виллы, например, на Сардинии или Маврикии; шикарные апартаменты на Манхеттене или в Белгравии; возможность совершать межконтинентальные перелеты так часто, как нам хочется, палантины Лоро Пьяна, спортивные машины чистейшего алого или желтого цвета – это только произвольный авторский список, который может сильно варьироваться от автора к автору. Но все авторы, перечисляющие предметы, вещи и даже явления как отклик на понятие ,ошибаются. *роскошь, роскошь*

Потому что самая ценная, неоценимая, бесценная роскошь в нашей части Вселенной – свободное время, – то время, которым мы можем распоряжаться по своему собственному усмотрению, не торопясь, а зависая в той или иной творческой активности так долго, как того требует процесс, и, самое главное, – как нам того хочется. Не торопиться – вот самая значимая наша драгоценность. Замереть у кромки океанического прибоя на закате; после концерта любимого

исполнителя, все еще оставаясь во власти музыки; стоя перед картиной бесконечно долго, не стремясь обежать за полдня как можно больше залов знаменитого музея. Посмотреть одну картину, насмотреться на нее и уйти, чтобы завтра или через неделю вернуться в этот самый музей и насладиться встречей с другой картиной или – картинами, в зависимости от того, чего твоей душе угодно в каждый момент твоей жизни.

Вот она – истинная роскошь, которой лишены почти мы все.

На этой неделе каникулы у многих моих учеников, и, как следствие, у меня есть свободное время для написания этой книги. Следовательно, если бы каникул не было и у меня сейчас бы были уроки, стихотворение от сегодня не было бы написано. Не спорю, может быть, было бы написано какое-нибудь иное стихотворение, может быть, даже лучше этого. Но именно это написано не было бы.

Следовательно, мною не написано огромное количество стихотворений!

И на следующей неделе, когда у меня будет весь комплект уроков, у меня не будет времени ни для этой книги, ни для стихов.

Как-то мне все это не очень нравится!

Утешает только одно: оттуда, куда есть вход, есть и выход. Следовательно, надо этот выход найти.

Исходим из утешительной и при этом вполне логичной

фразы, что, если стихи ко мне откуда-то приходят, значит, они где-то существуют. Стихи ненаписанные – нераспустившиеся почки зимой, – они просто ждут своего часа. Как бы ни была студена зима, весна обязательно настанет, солнце разбудит почки, и деревья вспыхнут безудержным весенним цветением. Единственное, что требуется от почек, – перезимовать, – сдержанно, спокойно, молча.

Совершенно аналогичным образом все стихи, мною не написанные по той или иной причине, где-то обитают, в каких-то горних поэтических высях. Может быть, они толпятся в очереди на право быть написанными – воплотиться тут, на земле, в чернилах и бумаге. Вполне разумно допустить, что существует кто-то, может быть, их даже много, кто отслеживает очередность, в соответствии с которой стихи воплощаются здесь, чтобы не волновались, не устраивали кутерьму и неразбериху, а спокойно дожидались своей очереди.

Все, кому положено воплотиться, обязательно воплотятся.

И совсем не беда, если стихи, которые, на первый взгляд, должна была написать я, причем еще много лет тому назад, запишет здесь кто-то другой, в этом вовсе нет ничего страшного, и нет в этом никакой неразберихи.

Главное, чтобы стихи дожидались своей очереди, а поэты больше всего на свете любили припадать с чем-то пишущим к листу бумаги.

Тогда будет всем нам счастье: и поэтам, и стихам, и листу

бумаги, который, на самом деле, больше всего на свете боится остаться белым, нетронутым чернилами.

Справедливость – это когда каждый пригождается на то, ради чего был создан.

Вот что прекрасно у Ричарда Хьюго про слова, которые, между прочим, являются альфой и омегой стихотворения написанного, следовательно, альфой и омегой счастья поэтов, стихов и бумажных листов. Думаю, радость бумажных листов вполне очень даже способны разделить с ними осенние листья кленов, каштанов, платанов и остальных их древесных собратьев. Думаю, найдется хотя бы несколько поэтов, готовых с радостью обменять стопку писчей бумаги на охапку бронзовых октябрьских листьев.

Слова

Ричард Хьюго, страница тридцать восемь: *Словам прекрасно живется в нелепых углах наших умов.*

Не могу не согласиться с Ричардом Хьюго.

Вот что написалось сегодня. Именно Открыв книгу, чтобы продолжить ее написание, я меньше всего на свете собиралась написать нечто поэтическое. Меня посетила мысль о необычности осени, которую мы все с удовольствием проживаем. *написалось.*

И тут сама по себе неведомо откуда постучалась первая строчка: *природа сошла с ума.*

Это еще не было поэзией. Это была констатация факта: природа слишком странно себя ведет, чтобы называться рациональной, следовательно, она, похоже, того, сдвинулась чуток.

Прежде чем я смогла принять решение: записывать такое, в общем-то, не очень лестное замечание о природе или, проигнорировав его, написать что-нибудь умное, строчки стали набегать одна за другой, торопясь, подталкивая меня к немедленной фиксации их на бумаге, вернее, на странице на экране монитора.

Разумеется, у меня не было выбора, и я просто записала все, что пришло столь неожиданно.

Может быть, поэзия в этом необычно теплом для октяб-

ря воздухе? В этом янтарном свете солнца, который, проходя сквозь листья кленов и прочих лиственных, частично отражаясь от них, наполняет воздух волшебством своего нежно-теплого золота?

Дело в том, что дерево клена стоит, раззолоченное, прямо под моим окном. Я наблюдаю его во всем великолепии все эти дни. Каждый день, вопреки календарю, становится все теплее и теплее, и листья клена все более наливаются медовым золотом. Ситец неба не по-осеннему голубой, и на нем — ни облачка.

С дерева черемухи, которое живет невдалеке от описываемого клена, ветер уже снял все лиственное убранство. И несколько кленовых листьев, медленным нескончаемым листопадом покидающих свое родное дерево, нашли себе приют среди обнаженных ветвей черемухи.

Для тех, кто не догоняет, кто не умеет читать по рисунку ветвей дерева его название, в нескольких кленовых листочках, запутавшихся в ветвях дерева, уже лишено своего нежного убранства, нет в сем факте ничего интересного.

А вот для тех, то умеет читать ее письма, природа никогда не бывает банальной. Для тех едва ли не в каждом листике, только что подхваченном ветром, в каждой былинке, этому ветру упорно сопротивляющейся, проглядывает глубочайший смысл, вечно повествующий о связи всего сущего — связи, не всегда располагающейся на поверхности происходящего, но всегда присутствующей в самых сокровен-

ных глубинах этого самого происходящего, будь оно благо-
словенно.

Вот такая осень наступила на Москву – щедрая через край, креативная без меры, прекрасная до творческой немоты.

Порывы легкого теплого ветерка, совсем не осеннего ветра пробегают время от времени в направлении от клена к черемухе, и все больше и больше кленовых листьев, покинув свое родное дерево, находят свой временный приют на дереве соседнем.

Черемуха рада такому яркому убранству, такому щедрому подарку природы, – ее собственные листья гораздо более скромного оттенка желтого уже расстались со своим родным деревом.

Кленовых листьев, вырвавшихся на свободу, так много, что они приземляются не только на веточках черемухи. Часть из них, – я понятия не имею, как они ухитряются пролететь по таким замысловатым траекториям, – залетают через форточки к нам в квартиру. Один из них, совсем маленький, но тем не менее очень красиво желтый, умудрился приземлиться прямо на собаку, которая дремала под окном.

Собака изумилась и для вящей убедительности в происходящем попробовала листик на вкус.

Вот так ведут себя кленовые листья этим безбашенным октябрем.

Бог мой! У нас весь балкон засыпан листьями клена!

Перечитала стихотворение. Задумалась. Понятия не имею, как его можно изменить, чтобы улучшить. И, самое главное, не вижу ни причины, ни повода.

Для написания стихотворения необходимо особое, особенное, хотя бы чуть-чуть измененное состояние сознания, совершенно по-особому отстроенное состояние души. Эта отстройка души происходит такими тонкими тропами, такими странными сетями душа отлавливается для написания именно в этот момент именно этого стихотворения, что вычислить эти пути и эти сети рационально, логически, чтобы входить в эти состояния по собственному хотению, мне никак не представляется возможным.

Если уж быть предельно честной и точной, следует отметить еще несколько характерных черт поэтического вдохновения и того самого состояния, из которого стихи рождаются, как крупные капли из конденсата с предельной концентрацией.

Не только тонкие тела принимают участие в этом удивительном и абсолютно нерациональном процессе. Физическое тело старается не отставать: перед тем как процесс пойдет, физическое тело пребывает в некоем волнительном состоянии. Я могу двигаться очень быстро – беспокойно, порывисто и стремительно. В полном соответствии с происходящим наблюдается повышенное сердцебиение и учащенное, более глубокое дыхание, что, в свою очередь, может сопровождаться жаром – прямо-таки физически ощущается, как по телу

гуляют мощные волны энергии.

И каким-то совершенно непостижимым образом, причем очень быстро, эта энергия внутри тела превращается в энергию написания стихотворения. И, что само собой разумеется, стихотворение начинает писаться.

Как только первая строчка готова, – еще не на бумаге, но уже в голове, – физическое тело замирает, ему уже не нужна вся эта порывистость, а весь свой импульс он передает руке или рукам, в зависимости от того, записываю ли я стих на бумаге или на компьютере. Теперь физическое тело сидит тихонечко, как мышка, дыхание становится легким, неглубоким, почти необозначенным. Я совершенно забываю в этот момент, что у меня имеется физическое тело. В процессе записывания стихотворения я сама для себя представляю только тонкое ментально-эмоциональное тело, к которому приделана вполне конкретная физическая рука (к которой, в свою очередь, и остальное физическое тело), это стихотворение записывающая.

Вот это самое ментально-эмоциональное тело какими-то совершенно непостижимыми для рациональной составляющей моего мозга нитями связано напрямую с тонкими ментально-эмоциональными телами вне меня, в которых, как в некоем вселенском хранилище, хранятся в записи все стихи, все тончайшие эмоциональные переживания, которые мы в состоянии через эти самые стихи выразить.

Именно это я имею в виду, когда цитирую: *стихи не пи-*

шутся, случаются.

Рациональная часть моего мозга, если я попрошу ее написанное стихотворение переписать, улучшить, просто не поймет, о чем это я. Так собака смотрит на хозяина в непонятках, вяло повиливая опущенным хвостом, когда его команда для собаки непонятна и, как следствие, неосуществима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.